

При этих словах Дамблдор с ухмылкой и странно мерцающими глазами повернулся лицом к гриффиндорскому столу. Точнее, на близнецов Уизли, как понял Гарри. Они, вероятно, были бы хорошим источником информации о том, какие интересные вещи можно найти в Запретном лесу, прежде чем он отправится туда исследовать.

"Мистер Филч, смотритель, попросил меня напомнить вам, что в коридорах нельзя использовать магию между уроками. На второй неделе семестра состоятся соревнования по квиддичу. Все желающие играть за команды своих домов должны обратиться к мадам Хуч.

"И наконец, я должна сообщить вам, что в этом году коридор третьего этажа с правой стороны запрещен для всех, кто не желает умереть очень мучительной смертью".

Гарри снова заволновался. Дамблдор продолжил, сделав еще несколько замечаний и заведя песню Хогвартса, если ее можно было так назвать. Но даже эта ужасная вещь, когда все поют под разные мелодии, не отвлекала Гарри. Он по-прежнему был сосредоточен на одном.

Хогвартс показался ему гораздо интереснее, чем в книге по введению в магию. Название Хогвартса "Самым безопасным местом в Британии" заставило его задуматься о том, стоит ли туда поступать. По его опыту, когда люди говорили "безопасное", на самом деле они имели в виду "скучное". Но коридор на третьем этаже звучал потрясающе. Он обязательно проверит это сегодня вечером.

Альбус Дамблдор был недоволен. Совсем не доволен. Все шло не по плану.

По докладу Хагрида он уже догадался, что в его планах относительно Гарри Поттера что-то пошло не так. Но Хагрид не отличался особой наблюдательностью, поэтому он надеялся, что то, на что указал Хагрид, было результатом того, что тот искал в Гарри то, что надеялся увидеть. Сильного, уверенного в себе, счастливого и магически сильного мальчика, который рад знакомству с волшебным миром - его волнуют многие темы, которые Хагрид тоже считал увлекательными, и он готов принять полувеликана, как многие в волшебном мире не принимали его.

Но Хагриду не следовало так поступать. Альбус тщательно изучил мысли Дурслей, прежде чем оставить там Гарри, не говоря уже о комментариях Минверы о них. Они были мелочными, фанатичными глупцами, боящимися магии и горько завидующими всему, что связано с Лили. Конечно, он не хотел, чтобы Гарри подвергся насилию, и наложил на дом несколько следящих заклинаний, чтобы быть уверенным, что сможет уловить подобное и предотвратить заход слишком далеко, если бы это случилось. Но он хотел, чтобы Гарри не любил.

Такая обстановка... когда Гарри рос в безопасности, но без чувства семьи или связи с кем-то, кто любил бы его, кроме смутных рассказов о родителях... она должна была сделать его застенчивым, замкнутым и ужасно неподготовленным к жизни знаменитости, которая ожидала его в волшебном мире. Он должен был отчаянно нуждаться в людях, которые его любят, и быть готовым принять наставления любого, кто о нем позаботится.

Дамблдор также потратил десять лет на то, чтобы тонко поощрять создание мифа о Мальчике-Который-Выжил как о легендарной личности, намереваясь, что Гарри никогда не сможет соответствовать этому. Он был бы слишком нервным в группах людей, чтобы соответствовать тому образу, который сложился у людей, что привело бы к разочарованию студентов, которые действительно общались с ним, и закончилось бы тем, что он оказался бы изолирован от большинства своих школьных товарищей.

И в то же время его имя сохранило бы свою объединяющую силу среди массы ведьм и волшебников за пределами Хогвартса... Людей, с которыми Гарри никогда не общался, чтобы использовать это влияние, позволяя Дамблдору использовать имя Гарри среди этих людей, чтобы снова продвинуть оппозицию против Волдеморта, когда это станет необходимо.

Вместо этого, каким-то образом, они получили совсем другую версию Гарри Поттера. Мальчик, слишком уверенный в себе, с харизмой, превосходящей все, что Дамблдор видел в столь юном ребенке. Он никогда не видел, чтобы ребенок шел к Сортировочной шляпе, а сотни студентов наблюдали за ним и перешептывались, с такой грацией в движениях и уверенностью в себе. Кто-то, готовый так открыто и без страха высказать свои убеждения Сортировочной шляпе на глазах у всего ученического коллектива... В сочетании с огромным магическим потенциалом, если отчет Хагрида о событиях в магазине Олливандера хоть что-то значил, он действительно мог бы соответствовать своей легенде.

Конечно, это не было автоматически плохо. Он всегда хотел, чтобы Гарри стал лидером во второй войне с Волдемортом, о которой он знал, что она грядет. Но он должен был стать лидером только после того, как Альбус сможет сформировать его. Опасность того, что кто-то, обладающий такой магической силой и готовый следовать за ним, станет Темным, была слишком велика. Единственным студентом Хогвартса, которого Альбус когда-либо видел с подобным потенциалом, как в харизме, так и в силе, был пятнадцати-шестнадцатилетний Том Риддл. Другого такого ученика магический мир, скорее всего, не переживет, тем более что потенциал, которым обладал Том Риддл, в юном Гарри, казалось, был еще больше.

Кроме того, существовал риск того, что Гарри может оказаться крестражем.

Альбус давно подозревал такую возможность. В комнате, где Волдеморт потерял свою физическую форму, были остатки тёмной магической энергии, с которой не могли сравниться никакие другие тёмные ритуалы, кроме создания крестража, и не было ни одного предмета, который мог бы стать крестражем. Свежий шрам от проклятия, созданный энергией самого мощного из существующих тёмных заклинаний, был бы естественнымместилищем для таких тёмных энергий. В пользу этого говорил и тот тревожный факт, что Гарри был прирождённым окклюментом.

Конечно, никто точно не знал, почему некоторые редкие люди становятся прирождёнными окклюменами, но то, что разум Гарри постоянно пытался защититься от частички чужой души, могло послужить тому причиной. Конечно, это не было доказательством, но это было дополнительным свидетельством к очень тревожному выводу.

И то, что Гарри был прирождённым Окклюменсом, тоже было проблемой. Природный

Окклюменс был невосприимчив не только к Легилименции, но и ко всем формам ментального вторжения или магических манипуляций. Это означало, что многие запасные планы Альбуса в отношении Гарри, если он начнет сбиваться с пути, который Альбус наметил для мальчика, станут невозможными.

Альбус не использовал более мощные ментальные заклинания и зелья, за исключением самых крайних случаев. Такие вещи, как проклятие Имперкус, Веритасерум, Амортенция или подобные зелья для других эмоций, были слишком очевидны, не говоря уже о том, что довольно аморальны. Люди сразу бы заметили разницу в поведении. А вот случайное зелье лояльности или то, которое заставляет человека чуть больше раскрываться перед тем, кому он уже доверяет, или чуть больше ревновать к кому-то, или многое другое. Вот где таились истинные возможности. Вещи настолько тонкие, что никто не замечал, что они не являются их естественными чувствами. И после некоторого времени, проведенного под воздействием зелий, люди почти всегда продолжали вести себя подобным образом, даже когда зелья больше не давали. Если кто-то месяцами испытывал к кому-то чувство преданности и вел себя подобным образом, инерция в его действиях почти всегда заставляла его продолжать действовать так же.

<http://tl.rulate.ru/book/101469/3505919>